

О БУРЖУАЗНОМ РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯН И СКЛАДЫВАНИИ РЫНКА НАЕМНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

М. Я. ВОЛКОВ, С. М. ТРОИЦКИЙ

Одной из центральных проблем социально-экономического развития России в период позднего феодализма является проблема генезиса капитализма в сельском хозяйстве. Ее обсуждение вызвало острые споры еще на сессиях симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1958—1961 гг. После перенесения дискуссии на страницы журнала «История СССР» она по-прежнему продолжает привлекать внимание специалистов. В ходе дискуссии ее участники уделили много внимания такому важному вопросу, как связь процесса расслоения крестьянства с процессом образования рынка наемной рабочей силы. Мы попытаемся определить свое отношение к высказанному в ходе дискуссии мнению о том, что в XVII—XVIII вв. огромное большинство сельского населения составляло чисто земледельческое крестьянство, сосредоточив основное внимание на выявлении особенностей складывания рынка наемной рабочей силы в Европейской России в первой половине XVIII в., так как вопрос о наемном труде, его характере и распространении в различных отраслях народного хозяйства до сих пор вызывает острые споры среди специалистов.

Если вопрос о характере рабочей силы и применении наемного труда в первой половине XVIII в. в судостроении, в металлургической, легкой и некоторых других отраслях промышленности довольно полно освещен в литературе, то использование труда наемных работников в солеваренной, винокуренной, кожевенной отраслях промышленности в общем не привлекло внимания исследователей.

Для характеристики вопроса об использовании наемной рабочей силы в первой половине XVIII в. нами привлечены материалы, отложившиеся при проведении первой ревизии, данные крепостных книг¹ и некоторые другие источники.

* * *

Некоторые участники дискуссий, особенно В. К. Яцунский, полагают, что основная масса крестьян России XVII—XVIII вв. составляла, в отличие от слоя промыслового крестьянства, категорию чисто земледельческого крестьянства. Они считают также возможным решать проблему о социальном расслоении крестьян в тот период отдельно для каждой из этих категорий, исходя только из процессов, характерных для разви-

¹ Характеристику этих видов источников см. М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России в первой четверти XVIII в. «Проблемы источниковедения», т. XI, М., 1963; Г. Д. Капустина. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (I четв. XVIII в.), там же, т. VII; С. М. Троицкий. Заемные книги крепостных контор как источник по истории крестьян в России середины XVIII в., «Археографический ежегодник за 1962 г.», М., 1963.

тия сельского хозяйства, и отрывая земледельческие занятия крестьян от промысловых².

Такая точка зрения представляется нам неверной. Не только в XIX в., но и в XVII—XVIII вв. и раньше для крестьянства России было типично тесное соединение занятий земледелием и промыслами. Естественной его основой являлось характерное для большей части России резкое расхождение периода производства и рабочего периода в сельском хозяйстве, что позволяло крестьянам без ущерба для земледелия заниматься в зимние месяцы промыслами. Такое соединение закреплялось и социальными условиями крепостнической России — крестьяне в XVII—XVIII в. не могли свободно прекратить земледельческие занятия и заняться только промыслами, переселиться из деревни в город и т. д. В средневековый период «патриархальное (натуральное) земледелие» соединялось «с домашними промыслами (т. е. с обработкой сырья для своего потребления)», в последующий период — с иными формами промысловых занятий: ремеслом, мелкотоварным производством промышленных продуктов на рынок, работой крестьян по найму в промышленности и т. д.³ В России XVII—XVIII вв. еще не было сколько-нибудь широкого слоя чисто земледельческого крестьянства, абсолютное большинство крестьян сочетало земледельческие и промысловые занятия.

Можно спорить о том, насколько в XVII—XVIII вв. был широк слой земледельческо-промыслового крестьянства, установившего в большей или меньшей степени связь с рынком, но невозможно, по нашему мнению, оспорить его существование. Признание же этого факта влечет за собой и признание того, что различия между крестьянами этого слоя не могут быть идентичны различиям, существовавшим среди крестьян до «нового периода в русской истории».

Известно, что множество крестьян в XVII—XVIII вв. появлялось на рынке с продуктами земледельческого труда. В первой половине XVIII в. крестьяне продавали сотни тысяч пудов льна и около двух млн пудов пеньки⁴. В 20—30-х годах XVIII в. масса товарного хлеба, с учетом шедшего на вино, стала значительно превышать 10 млн пудов⁵. Основную часть товарного хлеба поставляли районы, прилегающие к правому берегу Оки и низовьям Камы.

Рост спроса на лен, пеньку, хлеб и другие земледельческие продукты безусловно стимулировал расширение посевов, увеличение количества рабочего скота и привлечение дополнительной рабочей силы, в том числе и в хозяйстве некоторых крестьян. Примеров последнего рода

² В. К. Яцунский. Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения земледельческого крестьянства в дореформенной России. «История СССР», 1963, № 1, стр. 120—121, 127 и др. Автор, на наш взгляд, неправомерно ссылается на В. И. Ленина, когда обосновывает свой метод изучения проблемы расслоения крестьянства (см. указ. соч., стр. 127). Во II главе «Развития капитализма в России» В. И. Ленин, характеризуя процесс разложения крестьянства, опирается на данные не только о земледельческих, но и о промысловых занятиях (см. В. И. Ленин. ПСС., т. 3, гл. II, разделы IV, V, VI, VII и др.). Необоснованность подобных приемов аргументации В. К. Яцунского была, по нашему мнению, весьма убедительно показана в статье И. А. Булыгина «О капиталистическом расслоении крестьянства в дореформенной России». («История СССР», 1964, № 4).

³ К. Маркс. Капитал, т. 2, М., 1950, стр. 237—238; В. И. Ленин. ПСС, т. 3, гл. V, раздел VIII.

⁴ Лишь за границу в 1726 г. было вывезено более 1,2 млн пудов пеньки и около 300 тыс. пудов льна; в 1751 г. вывоз этих товаров возрос еще более (см. А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII ст. по 1858 г., ч. 3, СПб., 1858, стр. 23, 29, 30).

⁵ В район Петербурга ежегодно привозилось 400—500 тыс. четв. хлеба, в Москву — более 150 (Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в., М., 1958, стр. 255 и др.; М. Я. Волков. Привоз хлеба в район Петербурга в 20-е годы XVIII в. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». Сб. ст., М., 1961, стр. 122). Производство для продажи 1,5—2 млн ведер вина требовало 600—800 тыс. четв. хлеба.

было немало, в частности по указанному хлебопроизводящему району. Так, в одной из сказок 1719 г. по Казанскому уезду записано: «Во оной деревне Багаеве один я, ясашной крестьянин Григорий Алексеев Золотавин, 20 лет; у меня брат Филип, 12 лет; при мне ж наемных людей, которые пашут на меня,—Елисей Иванов Малышев, 23 лет, Андрей Анисимов Чародеев, 45 лет, у него сын Иван, 15 лет». Кроме того, в починке под Сухим Ключем на земле Льва Золотавина «пашут на оного Золотавина» наемные работники из крестьян Вятского уезда Андрей и Федосей Кондаковы⁶.

Различия, порождаемые земледельческим хозяйством, усиливались в сфере промыслов⁷. Если для бедных крестьян связь с промыслами сводилась зачастую к возможности продавать свою рабочую силу, то для богатых крестьян она вела к увеличению денежных доходов, началу или расширению эксплуатации чужого труда и росту их власти в деревне. Отдельные богатые крестьяне сочетали, хотя и в зачаточной форме, предпринимательство в земледелии и в промыслах. Так, упомянутый Г. А. Золотавин в Казанском же уезде имел винокуренный завод⁸.

Общезвестно, что различия между крестьянами по количеству лошадей — явление не новое. Но, учитывая условия XVII—XVIII вв., легко заметить, что это обстоятельство имело неодинаковые последствия для разных по зажиточности категорий крестьянства при обращении к промыслам. Извоз в XVII—XVIII вв. стал одним из наиболее важных источников денежных доходов многих крестьян. Ежегодно по зимним дорогам России на десятках тысяч крестьянских подвод перемещался

ТАБЛИЦА 1

Количество подвод на 1 чел. в группе	Количество групп	В группах людей		В группах подвод	
		количество	%	количество	%
до 2-х	3	23	15,5	45	8,2
до 3-х	4	47	31,8	108	19,7
до 4-х	6	51	34,5	189	34,5
более 4-х	6	27	18,2	206	37,6
Итого:	19	148	100,0	548	100,0

на сотни и тысячи верст сильно возросший поток товаров⁹. Доставка груза, например, в Петербург на одной подводе обходилась купцу в 20-е годы XVIII в. из Ярославля 2 руб.—4 руб. 20 коп.; из Владимира — 3 руб. 50 коп.—4 руб.; из Вязников — 2 руб. 50 коп.—4 руб. 40 коп.; из

⁶ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 1095, лл. 772, 946. Из письма Н. А. Сенявина старосте его имения в Симбирском у. от 24 марта 1723 г. видно, что использование труда наемных батраков в сельском хозяйстве Среднего Поволжья было довольно обычным явлением. Учитывая проводившийся сыск беглых, помещик лишь требовал, чтобы староста не принимал крестьян «в батраки бес письменных отпусков от помещиков» (там же, кн. 4086, лл. 559—560).

⁷ Для характеристики промысловых занятий так называемого земледельческого крестьянства в XVII в. совершенно недостаточно привлечь данные писцовых и переписных книг, как это делает, например, Л. В. Мило в (К постановке вопроса о расслоении крестьянства в России XVII в. «История СССР», 1963, № 3, стр. 112—115), так как в них сведения о занятиях крестьян обычно случайны, в силу специфики этой категории источников. Можно было бы использовать и другие источники, свидетельствующие о торговле промышленными товарами, извозе, работе по найму на судах и т. д. Тогда призыв Л. В. Милова к осторожности в суждениях о степени распространения промысловых занятий среди крестьян в XVII в. звучал бы более убедительно или был бы снят автором.

⁸ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 1098, лл. 54—56.

⁹ Лишь в Рыбной слободе, Ярославле, Гороховце и Вязниках в зимние месяцы 1726 и 1727 гг. было нанято 2899 подвод (см. ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Рыбной слободе 1727 г., кн. по Ярославлю 1726 г., кн. по Гороховцу 1726 г. и кн. по Вязникам 1726 г. Подсчет М. Я. Волкова).

Гороховца — 3 руб. 50 коп. — 5 руб., из Казани — 5—8 руб.¹⁰. Каковы были различия между крестьянами, нанимавшимися в извоз, можно видеть из данных крепостной книги с. Лысково Нижегородского уезда 1714 г. (см. табл. 1)¹¹. Из 20 записей книги взяты для таблицы 19, в которых указано количество нанятых извозчиков в группах.

Крестьяне, входившие в наиболее обеспеченную лошаадьми группу, даже за один рейс получали сравнительно высокий денежный доход. Так, 6 крестьян с. Ляпунова Лысковской волости обязались поставить груз в Вологду на 51 подводе за 58 руб. 14 коп.¹².

Спрос на коногонов для транспортировки судов в верховьях Волги (в одной Рыбной слободе в 1727 г. были наняты коногоны с 5107 лошаадьми) ставил крестьян, имевших одну-две лошади, перед выбором: либо подрядиться в ущерб земледельческому хозяйству, либо отказаться от высокого денежного дохода (коногоны за транспортировку судов от Ярославля и Рыбной слободы до Твери получали 2—3 руб. за лошадь). Перед богатыми крестьянами эта проблема стояла не так остро — многие из них, поддерживая земледельческое хозяйство (всегда ли своими силами?), направляли большую часть лошадей на промысел. Изучение договоров о найме показывает, что многие коногоны подряджались с 6—8 лошаадьми¹³.

С экономической состоятельностью крестьянского хозяйства были связаны и промысловые доходы определенной части крестьян. Так, «лесные промышленники» Захожского, Шейекого и Кушальского станов Тверского уезда занимались своим промыслом с ноября по апрель, поставляли тесницы и доски в Москву. По переписи 1699 г. «лесные промышленники» оказались в 22 селах и деревнях. О владельцах товара в трех пунктах источник дает суммарные сведения — им принадлежало 8000 тесниц. В остальных селах и деревнях имелся 101 «промышленник» и у них — 14 745 тесниц и досок. При этом до 100 штук товара имел 61 человек (60,3%) и им принадлежали 4315 тесниц и досок (29,0%), от 101 до 200 — соответственно 26 человек (25,7%) — 4170 тесниц и досок (28,0%), от 201 до 500 — 10 человек (10,0%) — 1720 тесниц и досок (24,9%) и более 500 — 4 человека (4,0%) — 2700 тесниц и досок (18,3%)¹⁴.

Не будем приводить подобных данных о многих других промыслах. Укажем лишь, что даже такой исконно домашний промысел, как изготовление холста, стал давать крестьянам денежный доход — в XVII—XVIII вв. в деревнях скупались миллионы аршин холста. Причем одни крестьяне продавали только свой холст, другие — и свой и скупленный для перепродажи.

Таковы некоторые штрихи новых условий, в которых стали развиваться хозяйства земледельческо-промысловых крестьян, установивших связь с рынком. Под влиянием новых экономических условий среди крестьян резко усиливалось имущественное неравенство, приобретающее иногда черты социального расслоения. Насколько многочисленны были ростки новых явлений среди крестьян в XVII и XVIII вв., можно будет определить после появления исследований, специально посвященных проблеме социального расслоения крестьянства в этот период. Своими замечаниями мы хотели только выступить в защиту правомерности постановки этой проблемы применительно к более широкому слою крестьян XVII—XVIII вв., чем слой «чисто» промыслового крестьянства.

¹⁰ Там же. Кроме перечисленных кн. см. также кн. по Казани 1721, 1722 и 1723 гг.

¹¹ Там же, кн. по Лыскову 1714—1719 гг., данные за 1714 г.

¹² Там же, л. 20об.

¹³ Там же, кн. по Рыбной слободе 1727 г.; М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1.

¹⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Денежный стол, кн. 150, лл. 52об.—58об.

Одним из важных показателей развития крестьянства России XVII—XVIII вв. является процесс формирования рынка рабочей силы. Этому вопросу в настоящей дискуссии посвящена статья Н. Б. Голиковой¹⁵, в которой хорошо показано, что в первой четверти XVIII в. происходило расширение сферы применения наемного труда, повышение его роли в процессе производства и рост количества наемных работников, преимущественно за счет крестьян. Но вторая линия статьи и связанные с ней выводы, как нам кажется, не могут быть приняты и сколько-нибудь серьезно обоснованы.

Н. Б. Голикова пытается доказать, что наемный труд в рамках феодального общества приобретает буржуазный характер после переломного момента, показателем которого «является, в частности, не только рост числа лиц, работающих по найму, но и формирование постоянных кадров наемных работников»¹⁶. Отсутствие постоянных кадров наемных работников, даже при наличии других показателей, свидетельствует о сохранении феодальной природы найма.

Известно, что в Поволжье первой четверти XVIII в. работников нанимали и товаропроизводители, и торговцы, и, главным образом, купцы-предприниматели. Последние эксплуатировали труд наемных работников на судах, винокуренных, кожевенных и других предприятиях. Поэтому обязательно выделение различных сфер применения наемного труда, но Н. Б. Голикова, выявив черты найма, которые действительно свидетельствуют о его некапиталистической природе, не определяет, для какой группы наемных работников он характерен и какова их доля в общей массе рабочих людей.

Так, историки согласны, что использование наемного труда в «домовой» работе не вело еще к возникновению качественно новых отношений; для этой сферы был характерен долгосрочный найм, зачастую работники кабалились и «заживали» свой долг¹⁷. Поэтому Н. Б. Голиковой следовало оговорить, что эта группа работников была малочисленной, и, главное, что большая часть известных ей фактов о закабалении относится именно к «домовой» работе¹⁸.

Н. Б. Голикова непропорционально много места уделила «гулящим людям». Такое внимание к ним объясняется не столько спецификой наемного труда в Поволжье первой четверти XVIII в., сколько тем, что она, вслед за А. М. Панкратовой, видит в использовании труда «гулящих людей» доказательство феодальной природы найма. Более того, тесно сближая «гулящих людей» с беглыми, Н. Б. Голикова без достаточных, как нам представляется, оснований утверждает, что в первой четверти XVIII в. «беглые крестьяне, посадские люди и городовые бобыли занимали среди наемных работников Поволжья одно из первых мест», вторую же «крупную группу составляли крестьяне-отходники»¹⁹. Это можно понять только так, что в Поволжье первой четверти XVIII в.

¹⁵ Н. Б. Голикова. Из истории формирования кадров наемных работников в первой четверти XVIII в. «История СССР», 1965, № 1.

¹⁶ Там же, стр. 75. Подчеркнуто нами.— Авт.

¹⁷ Помимо рассматриваемой работы Н. Б. Голиковой (стр. 89—91) см. Е. Н. Кушева. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. «Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. ст., М., 1952; М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 80—82.

¹⁸ Указанный Н. Б. Голиковой для Казани (стр. 91) высокий процент людей, давших записи о «заживе» (16,9%), в общем числе работников объясняется тем, что он выведен по кн. 1720 г. с записями только с 1 января по 5 апреля, т. е. почти без данных о найме самой многочисленной категории работников — судовых работников (см. ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Казани 1720 г., январь—апрель). Этот процент резко уменьшился бы, если бы Н. Б. Голикова взяла для подсчетов сохранившиеся в этом фонде данные за весь 1720 и другие годы.

¹⁹ Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 83.

преобладало использование труда работников, эксплуатация которых не приводила к возникновению капиталистических отношений. А. М. Панкратова, проанализировав все известные факты о наймитах XVII в. из «гулящих людей», пришла к выводу, что они закабалялись уже при найме договором и бытовыми условиями, поэтому по своему положению наймиты из «гулящих людей» были «ближе к феодально-зависимым людям, чем к вольнонаемным рабочим позднейшего времени»²⁰. Взяв вывод А. М. Панкратовой о «гулящих людях», Н. Б. Голикова перенесла его на всех наемных работников Поволжья первой четверти XVIII в., но при этом не выяснила даже в отношении «гулящих людей», где более всего применялся их труд и, главное, какие договорные и реальные отношения возникали между нанимателем и работниками, в частности из «гулящих людей».

Как нам представляется, конкретный фактический материал, в том числе и использованный в статье Н. Б. Голиковой, не подтверждает предложенную ею схему и тезис о том, что отсутствие постоянных кадров наемных работников свидетельствовало о сохранении феодальной природы найма.

* * *

Приступая к рассмотрению данных о применении наемного труда на транспорте и в промышленности, мы оговариваем, что ограничиваем свое внимание фактами, когда наниматель эксплуатировал одновременно на судне или предприятии более 5—10 человек наемных работников.

Работники речного транспорта составляли самую многочисленную группу наемных работников в XVII в. В первой половине XVII в. лишь на участке между Вологдой и Устюгом Великим работало ежегодно около 10 тыс. наемных работников, в одном Нижнем Новгороде в 40-е годы нанималось около 2,5 тыс. человек в год; и, наконец, сборщики Усмерского мыта (Коломна) только с 1 сентября по 8 ноября 1651 г. собрали на судах головщину с 2111 человек²¹. Другими словами, общее количество наемных работников на речных судах для первой половины XVII в. исчисляется не одним десятком тысяч. Данные конца XVII — первой четверти XVIII в. еще более красноречивы: лишь на судах, прошедших мимо Нижнего Новгорода в 1722 г., насчитывалось не менее 45—50 тыс. работников; большое число работников обслуживало суда Сухоно-Двинского пути, в низовьях Волги и в других местах²². В 60-е годы XVIII в., по подсчету Н. Л. Рубинштейна, из общего числа вольнонаемных работников судовых было 120 тыс. или 54,5% (в XVII — первой четверти XVIII в. их доля в массе наемных работников была еще выше) и в самом конце XVIII в. — 200 тыс. человек или 47,6% от общего числа вольнонаемных работников²³.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что переходы работников к другим занятиям, на которых сосредоточила свое внимание Н. Б. Голикова, уже с середины XVII в. не вели к сокраще-

²⁰ А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVIII в. «Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», сб. ст., стр. 203, 204, 205, 213 и др.

²¹ С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв., Горький, 1950, стр. 24; П. А. Колесников. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. «История СССР», 1958, № 2, стр. 132; ЦГАДА, Оружейная палата, д. 11999, лл. 1—36.

²² И. В. Степанов. Гулящие работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки», т. 36, стр. 142—143, 155—157 и др.; М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII в., стр. 299; Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 78, 83.

²³ Н. Л. Рубинштейн. Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы XVIII в. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 95.

нию числа наемных работников в речном транспорте. Рост численности судовых работников в XVII—XVIII вв. свидетельствует еще и о постоянном воспроизводстве в расширенном виде отношений найма между нанимателями и работниками.

Наибольшее количество судов и наемных работников использовалось для перевозки хлеба, соли, рыбы и некоторых других товаров. Перевозки хлеба особенно возросли за счет привоза его в район Петербурга. Поставщиками его являлись крупнейшие купцы Борисоглебской слободы, Твери, Ярославля, особенно Балахны и других городов²⁴. В 1733 г. в Балахне по 244 записям было нанято 5559 судовых работников, главным образом крестьян-отходников, в том числе для перевозок хлеба в Рыбную слободу, Мологу и Углич — 5108 человек. Среди нанимателей выделялись 6 балахинских купцов, нанявших на 150 стругов с хлебом 3842 работника (В. И. Осокин — 38 стругов и 999 человек, Г. П. Осокин — 33 струга и 856 человек, М. Г. Лоушкин — 23 струга и 620 человек, Е. И. Винокуров — 21 струг и 540 человек, П. И. Осокин — 20 стругов и 455 человек и В. Г. Крупеников — 15 стругов и 372 человека)²⁵. Они же являлись крупнейшими нанимателями рабочей силы в Рыбной слободе, откуда с хлебом в район Петербурга в 1727 г. было всего отправлено 589 барок, 24 струга и 7 коломенок (их тянули 2,5 тыс. работников и около 5 тыс. лошадей)²⁶.

Крупные суда с рыбой отправлялись из Астрахани и других городов низовьев Волги. В октябре — ноябре 1722 г. в Нижнем Новгороде был отмечен приход 16 таких судов и на них 2442 работника, в том числе 3 стругов крестьянина Благовещенской слободы Нижнего Новгорода А. И. Кораблева с 459 работниками, одного — крестьянина с. Павлова В. И. Басилова, одного — крестьянина с. Ворсмы Ф. Ф. Ларионова²⁷. Самое большое число работников (213 человек) тянуло гребной струг монастырского крестьянина Никольской слободы Нижегородского уезда И. С. Старова²⁸.

В 20-е годы XVIII в. большинство среди судовых работников составляли крестьяне — 8593 человека (77,2%) из 11 119 человек, учтенных в 1722 г. в Нижнем Новгороде. Среди них на первом месте были помещичьи крестьяне — 3945 (около 40%) крестьян²⁹. В период с 20-х годов XVIII в. и до конца столетия доля крестьян-отходников в общей массе судовых работников постоянно росла. Но и до 20-х годов XVIII в. крестьяне составляли, видимо, не менее половины всех судовых работников. С середины 20-х годов, т. е. с последних годов первой ревизии 1719—1727 гг., абсолютное преобладание среди судовых работников отходников из посадских людей и, особенно, из крестьян не вызывает никаких сомнений.

Сложнее определить соотношение между беглыми («гулящими людьми») и отходниками для первой четверти XVIII в. Единственным источником, который сегодня может быть использован для решения этого вопроса, являются росписи-допросы о судовых работниках, собранные в Нижнем Новгороде в 1722 г. В них отмечены как учтенные при подушной переписи 1719—1721 гг. работники, т. е. не являвшиеся беглыми, так и неучтенные. Подсчет данных по одной книге (из сохранившихся трех), содержащей росписи-допросы за 19—31 июля 1722 г., показывает, что из 4204 работников 7 человек не подлежали обложению, а из остальных 4197 работников, не учтенных при подушной переписи 1719—1721 гг.,

²⁴ М. Я. Волков. Привоз хлеба в район Петербурга в 20-е годы XVIII в., стр. 124—125.

²⁵ ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Балахне 1733 г. Здесь и далее подсчеты М. Я. Волкова.

²⁶ ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Рыбной слободе 1727 г.

²⁷ Там же, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 2094.

²⁸ Там же, лл. 581—608.

²⁹ Н. Б. Голикова. Указ. соч., стр. 79.

оказалось 322 человека и к освидетельствованию не явились, т. е. бежали 4 человека, всего 326 беглых или 7,8%³⁰.

Естественно, выведенный нами процент беглых нельзя распространять на 1700—1718 гг., на время до начала подушной переписи. Однако нет никаких оснований думать, что до ревизии доля беглых среди судовых работников была в несколько раз выше, чем в 1722 г. Дело в том, что подушная перепись в 1719—1720 гг. почти не затронула наемных работников речного транспорта, как и работников многих промышленных предприятий в городах и сельской местности. Воздействие ревизии судовые работники из беглых посадских людей, городских бобылей и крестьян испытывали лишь в 1721 г., когда началась перепись городского населения. Но к резкому сокращению и затем исчезновению массовой категории беглых среди наемных людей, в том числе и на речном транспорте, привели меры общего сыска, начавшегося с весны 1722 г. и продолжавшегося до 1727 г. Данные переписи судовых работников 1722 г., которая являлась одной из мер этого сыска, отразили исходное положение, а не конечные результаты осуществления сыска беглых среди судовых работников. Поэтому решая, хотя и гипотетически, вопрос о доле беглых среди судовых работников для 1700—1719 гг., мы не можем возвышать выведенный для 1722 г. процент беглых более чем в 2 раза. И следовательно, должны признать, что в течение всей первой четверти XVIII в. абсолютное большинство судовых работников принадлежало к категории отходников.

Для отходника совершенно неприемлема предложенная Н. Б. Голиковой схема: зависимое положение — освобождение и работа по найму — вновь зависимое положение. В отличие от беглых отходник не порывал с отношениями зависимости. Он оставался крепостным своего феодала и тогда, когда выступал по отношению к нанимателю, не являвшемуся его феодалным владельцем, в качестве продавца рабочей силы. Важная особенность формирования рынка рабочей силы в России в том и состояла, что расширенное воспроизводство отношений найма в промышленности и на транспорте привело к зарождению и развитию капиталистических отношений задолго до отмены крепостного права.

Закабаление наемных работников в некоторых сферах долго существенно влияло на характер найма. Но такую роль кабала в речном транспорте играла только в первой половине XVII в. и частично, в ряде районов, в 30—40-е годы XVIII в. В первой половине XVII в. спрос на рабочие руки превышал их предложение, и тогда многие наниматели широко практиковали раздачу денег в долг, обязывая должников отрабатывать долг на судах. Помимо кабальных долговых обязательств к удержанию работника были направлены и условия договора о найме. Основным из них было условие, что в случае нарушения дорезора с работника или его поручителей взыскивается сумма, вдвое превышающая размер заработной платы. Этому типу договоров соответствовала система поручительств за каждого отдельного работника, обеспечивающая обязательное взыскание установленной суммы штрафа. В первой половине XVII в. в документах встречается немало фактов, свидетельствующих о превращении судовых работников, особенно наиболее квалифицированных — кормщиков, носников, водоливов, в кабальных, а иногда и в крепостных людей³¹.

В конце XVII — первой четверти XVIII в. было уже иное положение. В это время предложение рабочих рук на Волге и Сухоно-Двинском

³⁰ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 2096.

³¹ См. А. Введенский. Заметки по истории труда на Руси XVI—XVII вв. «Архив истории труда в России», кн. 3, Пг., 1922, стр. 51—70; А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927, стр. 144—145, 173—194; Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. «Исторические записки», т. 6, стр. 167—194; «Акты юридические», т. I, № 311, I—II.

пути несколько превышало спрос на них. Наниматели не были заинтересованы в раздаче денег в кабалу даже беглым («гуляющим людям») и в их закабалении. В договорах о найме уже отсутствует условие о штрафе, вдвое превышающем сумму заработка. Утверждается (в низовьях Волги к 20-м годам XVIII в.) артельная форма найма работников на суда, при которой члены артели связаны взаимной порукой³².

Наниматель был теперь заинтересован лишь в доставке груза в пункт назначения и достигал этого, заключив договор с артелью судовых работников. Досрочный уход того или иного работника его уже не беспокоил, от этого страдала только артель, которая при болезни ее членов или уходе нанимала дополнительных работников за свой счет. Последнее и ряд других обстоятельств приводили к тому, что работники вынуждены были занимать деньги у нанимателей. Четыре таких случая мы встретили лишь в крепостной книге по Рыбной слободе 1727 г., но во всех этих случаях работники заняли деньги, уходя от нанимателя, и обязались погасить долг в конце навигации³³.

Лишь после рассмотрения изложенных вопросов об использовании наемных работников в речном транспорте можно подойти к решению вопроса о природе этого найма.

Характеризуя транспортную промышленность, и в том числе судоходство, К. Маркс указывал, что она «в своем развитии тоже проходит различные ступени производства: ремесленную, мануфактурную и машинную» и что «отношение *производительного труда*, т. е. наемного рабочего, к капиталисту здесь совершенно такое же, как и в других отраслях материального производства»³⁴. Купец оплачивал владельцу судна, выступавшему в качестве подрядчика, стоимость перевозки (подрядную цену), которая включала и фактические расходы капитала подрядчика и прибыль на его капитал. Оплатив работникам только стоимость их рабочей силы, подрядчик присваивал себе стоимость созданного ими прибавочного труда. Из общей массы наемных работников основная часть была занята на судах, которые обслуживало от 11 до 200 человек. Все работники, независимо от сословной принадлежности и от того, являлись ли они отходниками или беглыми, выступали по отношению к нанимателям как продавцы рабочей силы.

В речном судоходстве России этого времени капитал, организовывавший транспортировку товаров, еще не обособился от торгового капитала, хотя и тогда были владельцы судов, которые выступали в качестве подрядчиков и перевозили чужие товары. В большинстве случаев крупные и многие средние купцы являлись одновременно собственниками товаров, владельцами судов и нанимателями рабочей силы. Их прибыль при продаже товаров имела видимость только торговой прибыли, но в действительности они получали и торговую прибыль собственников товаров и предпринимательскую прибыль судовладельцев, присваивавших стоимость созданного наемными работниками прибавочного труда.

Элементы капиталистических отношений в речном судоходстве России могли возникнуть и, видимо, возникали еще в первой половине XVII в. И тогда существовала практика найма работников и денежной оплаты их труда, а наниматели кабелили далеко не всех наемных работников. Но более быстро элементы капиталистических отношений начали здесь развиваться после того, как в практике найма было подорвано значение кабалы, из договора о найме исчезли основные условия, ставившие работника в неравноправное положение по отношению к нанимателем, и, наконец, утвердилась артельная форма труда наемных работ-

³² ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Ярославлю 1727 г., кн. по Рыбной слободе 1727 г., кн. по Казани 1721—1722 и 1723 гг., кн. по Лыскову 1714—1719 гг. и др.

³³ ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Рыбной слободе 1727 г. лл. 116—117.

³⁴ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, М., 1954, стр. 397.

ников. Эти изменения произошли, как нам представляется, под влиянием роста рынка рабочей силы, приведшего к расширенному воспроизводству отношений найма (ставшего капиталистическим по своей природе) в речном судоходстве России конца XVII — первой половины XVIII в.

Формирование рынка рабочей силы на речном транспорте имело огромное значение для обеспечения кадрами наемных работников различных предприятий в промышленности и других сферах. Очень многие судовые работники (и среди них — выходцы из деревень) разбредались поздней осенью в поисках работы на зимний период. Изучение судеб рабочих людей по материалам первой ревизии показывает, что предложение рабочей силы зимой превышало спрос на нее, и это в немалой степени было связано с ростом использования наемного труда в речном судоходстве. Зимой судовые работники нанимались в ватаги рыбаков, на поташные заводы; крестьяне дворцовой Поречной волости Смоленского уезда сочетали летнюю работу на судах Западновинского речного пути с наймом зимой к купцам для очистки пеньки от поволоки³⁵. Особенно стремились судовые работники наняться на зимний период на винокурные заводы Казанской губернии³⁶.

Все это приводило к тому, что происходило формирование слоя людей, в том числе и из крестьян, живших долгое время продажей рабочей силы и летом и зимой. Об этом же, в частности, говорят и данные о стаже работы судовых работников, переписанных в Нижнем Новгороде в 1722 г. Из них первый год работали на судах 5185 человек (46,7%), от 2 до 5 лет — 4225, (38,0%), от 6 до 10 лет — 1179 (10,6%), от 11 до 20 лет — 384 (3,5%), более 20 лет — 136 (1,2%), т. е. свыше 15% работников трудились на водном транспорте более 5 лет³⁷. Такие работники, как уже отмечалось в литературе, порывали с земледелием и систематически выступали в качестве продавцов рабочей силы.

* * *

В первой половине XVIII в. имелась некоторая специфика в использовании вольнонаемного труда судовых работников, обслуживавших соляные караваны. Как показал Н. В. Устюгов, развитие солеварения в Соликамском уезде в период с конца XVI до начала XVIII вв. сопровождалось крупным ростом добычи соли и превращением мелких промыслов в централизованные мануфактуры. В начале XVIII в. в этом районе, являвшемся главным поставщиком соли в Россию, ежегодно вываривалось около 7 млн пудов соли. К этому времени основные соликамские соляные промыслы были сосредоточены во владении немногих крупных промышленников — феодалов Строгановых и Пыскорского монастыря и двух посадских семей — Суровцевых и Ростовских³⁸. На соляных промыслах и тех и других преобладало использование вольнонаемного труда посадских людей и крестьян Соликамского и других уездов Поморья³⁹. Часть добываемой в Пермском крае соли расходилась на месте, но большая часть ее шла в Поморье и центральные уезды России.

³⁵ М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источники по истории торговли и промышленности, стр. 279, 288—290. Очисткой пеньки судовые работники зимой занимались и в Выездной слободе Арзамасского уезда. Так, 31 января 1720 г. крестьянин Ф. Ф. Курочкин нанял «перетрепать пеньку» 1500 пудов 18 чел., которые ядали за работу 30 руб. (ЦГАДА. Крепостные книги, кн. по Арзамасу 1720 г., л. 136—об.). Очисткой пеньки зимой до 1719 г. занималась, возможно, большая часть судовых работников Сухоно-Двинского пути (См. Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, кн. III, XVIII ст., СПб., 1913, стр. 97).

³⁶ М. Я. Волков. Указ. соч., стр. 289—290.

³⁷ Там же, стр. 299—300.

³⁸ Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности, М., 1957, стр. 138—143, 269, 292.

³⁹ Там же, стр. 201—215, 240—247, 313—314.

В 1705 г. в фискальных целях абсолютистское государство объявило торговлю солью своей монополией. Оно стало определять ежегодную норму выварки соли в России и цены промышленникам при поставке ее в казну⁴⁰. В итоге солепромышленники получили устойчивый рынок для сбыта соли, но казенная монополия сильно уменьшила их доходы от добычи и продажи соли. На них легла тяжелая повинность по обеспечению перевозки соли в центр страны и в столицу. В течение первой половины XVIII в. большую часть работных людей на судах составляли вольнонаемные из числа государственных дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян. На этих работах было занято ежегодно 18—20 тыс человек. За свой труд они получали разную оплату, что свидетельствует об определенной специализации труда судовых работников. При этом оплата их труда постепенно росла как в результате недостатка рабочей силы, так и вследствие роста цен. По данным Строгановых, за доставку 3 млн пудов соли в 1743 г. они заплатили наемным работникам по сравнению с 1732 г. на 12 150 руб. больше⁴¹:

	в 1732 г. плата 1 чел.	в 1743 г. плата 1 чел.
2900 вытных	5 руб. 50 коп.	7 руб.
1200 разгребных	4 руб. 80 коп.	6 руб. 40 коп.
12 000 пермских присадчиков	4 руб. 30 коп.	5 руб.
7200 с устья Камского присадчиков	2 руб. 41 коп.	3 руб. 61 коп.

В первой половине XVIII в. крупные феодалы — бароны Строгановы и Пыскорский монастырь — использовали на судах и промыслах вольнонаемных работников, а при недостатке их — труд своих крепостных. В более тяжелом положении находились другие солевары из числа посадских людей, у которых не было своих крестьян.

В течение всего изучаемого нами периода на промыслах и особенно на караванах работало много вольнонаемных крестьян-отходников. В ряде случаев абсолютистское государство, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение населения солью, а следовательно, и свои доходы, принимало такие решения, которые шли вразрез с требованиями основной массы феодалов. Так, когда в 1726 г. запрещение принимать работников без указных паспортов привело к задержке с подвозом соли по Волге, правительство в изменение правил плаката 1724 г. разрешило нанимать крестьян для работы на судах с солью без указных печатных паспортов, «с пропусками», подписанными лишь старостами, приказчиками или священниками. В 1732 г. этот указ был подтвержден. Издание подобных распоряжений, по справедливому замечанию Н. И. Павленко, показательно «как свидетельство неодолимого влияния новых отношений, пробивавших брешь в феодально-крепостнической системе»⁴².

Некоторые изменения в правительственной политике наместились в конце 30-х — начале 40-х годов XVIII в. Идя навстречу феодалам, правительство издало 21 мая 1743 г. указ, по которому промышленники могли принимать на работу крестьян только с печатными паспортами⁴³. Издание этого указа, а также распоряжений и указов о проведении второй ревизии, рекрутских наборов, резко уменьшило приток крестьян-отходников, что вызвало недовольство пермских промышленников.

⁴⁰ Так, Строгановы должны были поставлять в казну ежегодно не менее 3 млн пудов соли, Пыскорский монастырь — 1 млн пудов, другие пермские промышленники — 0,5 млн пудов и т. д. (ЦГАДА, Госархив, XIX в., д. 182, ч. 1, л. 70б.).

⁴¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1608, л. 22.

⁴² Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., М., 1953, стр. 265.

⁴³ ПСЗ, т. XI, № 8738.

В своих доношениях Сенату они жаловались на то, что наемных работников и в прошлые годы было недостаточно, но после издания этих указов их приток прекратился почти полностью, и просили нарядить рабочих людей. Бароны Строгановы писали, что им не достанет примерно 10 тыс человек; Григорий Демидов, Михаил Ростовщиков, Федор Суворов, Алексей Турчанинов — около 1 тыс человек, Пыскорский монастырь — 1 тыс., итого примерно — 12 тыс.⁴⁴ Важно отметить, что Строгановы и другие солепромышленники в своих челобитных правительству подчеркивали, что вольнонаемные работники используются не только на караванах, но и на самих промыслах. Запрещение принимать на работу крестьян с письменными паспортами приведет к уменьшению выварки соли⁴⁵.

При этом характерно, что промышленники попытались фактически добиться согласия правительства на наем беглых и самовольно ушедших от своих владельцев крестьян, которые не имели паспортов. Эту просьбу Строгановы, например, мотивировали в феврале 1744 г. тем, что «людям их усмотреть между толь многотысячным народом невозможно, понеже приходят они, работники, к тому найму весною в самую распутицу и к самому соляному отпуску, в которое краткое и самонужнейшее время ко отправлению соляных судов как им, так и прочим пермским соляным промышленникам ко всем промыслам необходимо должно собрать многие тысячи человек. И тогда уже людям их при таком строгом и нужном отправлении за крайними суетами всех пашпортов смотреть время не допустит»⁴⁶. Но эта просьба не была официально удовлетворена государством. В действительности оно, как и ранее, до известной степени вынуждено было мириться с фактическим положением дел.

Будучи заинтересовано в получении доходов от бесперебойной торговли солью, правительство 20 февраля 1744 г. издало указ о том, «чтобы помещики людей и крестьян своих в работу на соляные суда с печатными паспортами отпускали неудержно» и послало 5 тыс. паспортов к Соли Камской. В марте того же года оно отправило по 10 тыс. паспортов в Пермскую и Вятскую провинцию, чтобы облегчить наем крестьян на промыслы⁴⁷.

Однако эти меры не дали желаемого результата. К тому же, вероятно, часть крестьян, получавших паспорта, уходила не на промыслы и соляные суда, а на другие заработки.

Чтобы обеспечить себя рабочей силой, пермские солепромышленники рассылали в Вятский, Яренский, Устюжский, Казанский, Кунгурский и другие уезды вербовщиков, которые «обзадачивали» крестьян, выдавая им денежные авансы. Однако иногда эти меры не достигали нужного эффекта, так как крестьяне не всегда поряжались работать на промыслы. Нередки были случаи, когда крестьяне, получив аванс, не являлись на работу. Так, в 1748 г. Пыскорский монастырь писал Соляной конторе, что в 1746 г. не явилось на работу к каравану 319 «обзадаточных» крестьян из Яренского уезда. При этом примечательно то, что монастырь хотя и «с великою нуждою» и «с немалою против учиненной оных господ баронов Строгановых цен прибавкою», но все же нанял вместо них часть необходимых работников. Недостающую рабочую силу заменили монастырские крестьяне⁴⁸. Подобные факты представляют большой интерес, так как свидетельствуют о постоянном притоке наемных работников на промыслы и борьбе между предпринимателями за более дешевую рабочую силу.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1612, лл. 91—92, 95—96.

⁴⁵ Там же, л. 87об.

⁴⁶ Там же, лл. 92—92об.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1608, л. 71; Госархив, XIX р., д. 182, ч. 1, л. 155.

⁴⁸ Там же, ф. Сената, кн. 1616, л. 17об.

Недостаток вольнонаемных работников приводил к тому, что вводя ограничения при выдаче паспортов крестьянам-отходникам, правительство, чтобы не было перебоев в поставках соли, посылало, по просьбе промышленников, по «нарядам» только на одно лето государственных, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян, главным образом, для работы на соляных караванах и отчасти — на промыслах. Так, в 1744 г. — 1748 гг. оно «нарядило» Строгановым 14 038 работных людей; в 1748 г. для обслуживания промыслов и караванов Пыскорского монастыря, Г. Демидова, М. Ростовщикова, Ф. Суровцева было прислано 2000 человек, которые распределялись между ними «по пропорции судов»⁴⁹. Обязанность поставлять крестьян по «нарядам» возлагалась на население Казанской губернии⁵⁰. Но солепромышленники были обязаны платить «наряженным» крестьянам за работу «каждому человеку по чему вольные работные люди наняты будут без всякого удержания», если эти цены будут не ниже установленных плакатом 1724 г.⁵¹.

Таким образом, посылка крестьян «по нарядам» на соляные промыслы несколько напоминала приписку крестьян к предприятиям. В то же время требование правительства платить им за работу не по плакату 1724 г., а по рыночным ценам свидетельствовало о проникновении новых отношений в использование принудительного труда. Такое сложное переплетение феодальных и буржуазных отношений при найме работных людей было весьма характерно для складывания рынка труда в России в XVIII в. Однако, удовлетворяя требования солепромышленников, феодальное государство не поддерживало их полностью в этом вопросе. Регулярные мобилизации крестьян на работу ущемляли интересы феодалов и вызывали их протесты. К тому же и многие крестьяне уклонялись от «нарядов». Поэтому в 1746 г. Сенат вновь разрешил крупнейшим солеварам Строгановым принимать крестьян на работу на 2 года по письменным паспортам⁵². К этому следует добавить, что в 40-х годах XVIII в. полностью все заявки на работных людей правительство никогда не удовлетворяло. Так, в 1748 г. Строгановы жаловались, что, получив в 1744—1748 гг. по «нарядам» 14 038 человек, они были вынуждены использовать 14 569 своих крестьян⁵³.

На отказ правительства от снабжения солеваренных промыслов принудительно мобилизованными крестьянами повлияло также и то, что эти случайно набранные люди были, по выражению Строгановых, «необыкновенны» для работы на промыслах и судах⁵⁴. Это, видимо, свидетельствует о том, что вольнонаемные работники из числа крестьян и посадских людей более или менее регулярно приходили наниматься на промыслы и постепенно приобретали необходимые производственные навыки. Их труд больше устраивал промышленников. В то же время требование государства платить «наряженным» крестьянам за работу по рыночным ценам было не очень выгодно промышленникам, так как при недостаточном развитии рынка труда они вынуждены были увеличивать плату людям, о чем говорилось выше.

Изучение материалов об использовании наемного труда на транспорте в первой половине XVIII в. убеждает нас, что в это время преобладал наемный труд. Усиление феодально-крепостнического гнета в России после проведения первой ревизии и особенно после издания в 30-х годах многочисленных указов о борьбе с незаконным отходничеством крестьян в отдельные годы приводило к уменьшению притока

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1616, лл. 53—об.; 73а—об., 81—об., 93—об., 1080—1081 и др.

⁵⁰ Там же, л. 64—об.

⁵¹ Там же, лл. 66—об.

⁵² ЦГАДА, Госархив, XIX р., д. 186, л. 1об.

⁵³ Там же, ф. Сената, кн. 1616, лл. 1080—1081.

⁵⁴ Там же, кн. 1612, л. 88.

вольнонаемных работников на транспорт. В этих условиях феодальное государство, будучи заинтересовано в бесперебойной доставке некоторых грузов (соль, железо, корабельный лес) прибегало к принудительному труду, то есть действовало теми же мерами, что и в крупной промышленности.

* * *

Другой отраслью народного хозяйства России первой половины XVIII в., в которой широкое распространение получило использование вольнонаемного труда крестьян, было винокурение. Несложность и дешевизна винокуренного оборудования и производства, наличие сравнительно дешевого сырья, а также гарантированной прибыли (так как благодаря государственной винной монополии владельцам заводов не надо было искать покупателей вина) — все это привело к широкому развитию купеческого, а затем и дворянского винокурения. В 20-е годы XVIII в. по неполным данным в винокурении России насчитывалось 133 купеческих предприятия, обслуживавшихся преимущественно вольнонаемным трудом, и несколько десятков дворянских⁵⁵. К моменту введения монополии дворянства на винокурение (в 1754 г.) в России имелось 277 купеческих и 264 дворянских винокуренных заводов, не считая «домовых» поварен дворян. Купеческие заводы были крупнее дворянских (объем их кубов 64 386 ведер, то есть более 50% общего объема). Большая часть купеческих заводов (138 из 277) была расположена на территории Казанской губернии⁵⁶. Для нужд своих заводов купцы скупали у крестьян и помещиков хлеб и в качестве рабочей силы использовали главным образом труд крестьян-отходников и в отдельных случаях — крепостных. Чтобы убедиться в том, что дело обстояло именно так, обратимся к источникам. Для выяснения этого вопроса ценный материал дают приходные книги Пензенской крепостной конторы.

При проведении первой ревизии в 1723 г. в Пензенском уезде были зарегистрированы 3 винокуренных завода московских посадских людей — жителей Красносельской слободы братьев Мартына Петровича и Ивана Петровича Симоновых и сына последнего, Леонтия Ивановича, а также дворцового крестьянина Зауольской волости Балахнинского уезда Емельяна Иванова. Эти заводы обслуживались главным образом трудом крестьян-отходников. Одни из них жили «погодно по записям из платы, а другие работают с пашпортами помесечно и понедельно, а которые годовые работники работают ныне на заводе погодно»⁵⁷. Так, на Кашнаевском винокуренном заводе И. П. и Л. И. Симоновых из 16 работников, указанных в ревизской сказке, 9 были крестьянами-отходниками (8 человек с паспортами) Алаторского, Нижегородского и Владимирского уездов и 4 посадских. Кроме того, было 3 чел. беглых крестьян, которых Симоновы объявили своими крепостными⁵⁸. На винокуренном заводе М. П. Симонова в с. Троицком в момент переписи оказалось 17 работных людей, в том числе двое посадских и 14 крестьян-отходников Алаторского, Нижегородского, Пензенского уездов. Среди крестьян преобладали дворцовые⁵⁹.

⁵⁵ Выявление материалов о винокуренных заводах первой четверти XVIII в. произведено М. Я. Волковым в основном по ф. Ландратские книги и ревизские сказки ЦГАДА). Далее все подсчеты о винокуренных заводах сделаны С. М. Троицким.

⁵⁶ См. Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII в., М., 1962, стр. 438—441, 482—486.

⁵⁷ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 2701, лл. 292—293, 302, 312.

⁵⁸ Там же, лл. 293об.—299.

⁵⁹ М. Я. Волков. Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности, стр. 295—296.

На заводе Е. Иванова работали в основном крестьяне-отходники Симбирского и Пензенского уездов, ушедшие на заработки без паспортов и согласия мира. Характерно, что и сам владделец завода Е. Иванов сообщил переписчикам, что он не знает, записан ли он в сказках своей деревни, так как начиная с 8 лет он жил в Симбирском уезде и работал на винокуренном заводе своего дяди Ст. Багаева⁶⁰. Е. Иванов был откупщиком винокуренного завода своего дяди (он умер в 1723 г.) в Нижегородском уезде. С этого завода «для прокормления» на его завод в Пензенском у. пришли люди его дяди, крестьяне Т. Семенов, И. Кондратьев, Г. Яковлев⁶¹. Последнее обстоятельство свидетельствует о выделении из дворцовых крестьян Поволжья зажиточных людей, организовывавших небольшие заводы; они эксплуатировали труд обедневших крестьян, которые не имели возможности прокормиться сельским хозяйством. Важно отметить, что среди части крестьян предпринимательская деятельность являлась наследственной. Это говорит об углублении процесса расслоения крестьян и зарождении буржуазных отхождений в дворцовой деревне.

Работая на винокуренных заводах, крестьяне получали средства для уплаты налогов и частновладельческих повинностей. В Пензенском уезде в 40—50-х годах XVIII в. крестьяне часто делали займы у предпринимателей, обязываясь отработать ссуду на винокуренных заводах кредиторов. Так, 13 марта 1740 г. мордва д. Панзелок Пензенского уезда заняла на платеж подушных денег и «на деревенские свои нужды» 96 руб. у приказчика уже упоминавшегося московского купца Л. И. Симонова, «а за те деньги работать той деревни мордве на винокуренном ево, Симонова, Кашнаевском заводе жеганскую работу на десять гнезд казанов впредь двенадцать месяцев с переменою по 10 человек». 13 октября и 16 ноября 1740 г. они на таких же условиях заняли у приказчика Л. И. Симонова 183 руб. 50 коп.⁶² Наряду с заемными записями, в которых прямо указано, что крестьяне за долг должны работать на заводе кредитора, имеется много записей, которыми оформлялся просто наем крестьян на работу на заводы без получения займов. В 1740 г. по 26 записям нанялись работать на винокуренные заводы крестьяне Пензенского (18 сделок), Алаторского (3 сделки), Саранского (2) и Гороховецкого уездов (1 сделка), взяв за работу всего 3251 руб. Из этого количества 14 сделок было совершенно помещичьими крестьянами (на сумму 2694 руб. 50 коп.), 12 — дворцовыми (на 403 руб. 50 коп.) и 1 — монастырскими (35 руб.)⁶³. Большая часть крестьян нанималась работать на винокуренные заводы Л. И. Симонова: 17 сделок на сумму более 3000 руб. Кроме того, крестьяне поряжались работать на винокуренные заводы арзамасского купца Н. И. Жукова и пензенского — П. Никифорова.

Если мы сравним данные о найме крестьян на винокуренные заводы Пензенского у. в 1740 г. с аналогичными сведениями за 1758 г., то увидим, что в 50-х годах XVIII в. по сравнению с 20-ми — началом 40-х годов увеличивается число людей, нанимающихся работать на заводы без займов, хотя владельцами большинства заводов являлись в это время только дворяне. В 1758 г. был сделан лишь один займ для уплаты подушных денег⁶⁴.

Вместо займов у ростовщиков крестьяне стали добывать деньги работой на винокуренных заводах. Приходная книга 1758 г. зарегистрировала 33 сделки крестьян, получивших за работу от заводчиков

⁶⁰ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 2701, л. 304 об.

⁶¹ Там же, л. 307.

⁶² ЦГАДА, ф. Пензенской крепостной конторы, д. 7, лл. 34, 104, 113.

⁶³ Эти и последующие подсчеты сделаны на основании приходной книги за 1740 г. (ЦГАДА, ф. Пензенской крепостной конторы, д. 7).

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Пензенской крепостной конторы, д. 14, л. 6.

5405 руб. 50 коп.⁶⁵. Если мы сравним эту цифру с той суммой, которую крестьяне получили по займам и за работу в 1740 г. (всего 4201 руб.), то увидим, что в 1758 г. крестьяне получили денег больше на 1204 руб. (25%). То обстоятельство, что эти деньги получены за работу по найму на заводах, свидетельствует об установлении более тесных связей крестьян с предпринимателем.

Об этом же говорит и анализ наемных записей крестьян отдельных деревень. В конце 50-х годов XVIII в. растет количество деревень, жители которых в течение одного года вынуждены заключать несколько раз сделки о найме на работу. Так, в сентябре 1758 г. дворцовые крестьяне с. Шемшынки Пензенского у. нанялись за 19 руб. 20 коп. на 8 мес. в «браговарную работу» на Кашнаевский завод графа П. И. Шувалова, который к этому времени сосредоточил в своих руках основные винокуренные заводы (бывшие заводы Симоновых). В тот же день другая группа крестьян этого села нанялась «в жеганскую работу», на завод Шувалова с 1 августа 1759 г. по 1 мая 1760 г.⁶⁶. Крестьяне дворцового с. Козьмодемьянского, Пензенского у. по 3 наемным записям нанялись на завод П. И. Шувалова за 242 руб.⁶⁷.

Жители ряда деревень на протяжении двух десятилетий постоянно добывают деньги работой по найму на заводах. Так, в 1758 г. крестьяне с. Никольского 7 раз выступали в качестве продавцов своей рабочей силы. Часть из них нанялась работать на винокуренный завод П. И. Шувалова за 526 руб. (5 сделок)⁶⁸, другие — на завод коллежского асессора Г. С. Ермолаева за 84 руб. (1 сделка). Пахотные солдаты с. Рождественского по 2 заемным в 1740 г. получили в долг у князя С. Б. Голицына 102 р. В 1758 г. по двум записям они порядились за 125 руб. работать на заводе П. И. Шувалова⁶⁹. Дворцовые крестьяне (20 человек) с. Новый Мочим, чтобы получить деньги на платеж подушной подати, нанялись в октябре 1740 г. на 9 месяцев в «жеганскую работу» на Кашнаевский винокуренный завод Л. И. Симонова. В 1758 г. они три раза выступали в качестве продавцов рабочей силы тому же заводу, получив 108 руб. от приказчика П. И. Шувалова (1 сделка) и 201 руб. 60 коп. (2 сделки) — от Г. С. Ермолаева⁷⁰. Крестьяне помещика В. М. Ртищева (с. Кодышево, Алаторского у.) в 1740 и 1758 гг. по два раза в год нанимались работать на винокуренные заводы. В 1740 г. они получили 315 руб. за сплав водки водой на стругах; в 1758 г. они же получили у приказчика П. И. Шувалова за сплав вина и изготовление 20 стругов 1781 руб.⁷¹.

То обстоятельство, что крестьяне нанимались работать на завод к крупному феодалу П. И. Шувалову, не имевшему, кстати сказать, своих крестьян в Пензенском у., не меняло сущности складывающихся между ними капиталистических отношений.

Подобные факты можно умножить, но в этом нет необходимости. Как нам представляется, источники убедительно свидетельствуют об освобождении крестьянского найма от элементов кабалы и известной устойчивости рынка наемной рабочей силы.

Однако анализ использованных нами источников говорит о том, что нет никаких оснований для переоценки степени втягивания крестьян в работу на заводах и темпов их перехода к работе по найму в промышленности. Суммарный характер наемных записей, в большинстве которых отсутствуют сведения о количестве нанимающихся крестьян, не дал

⁶⁵ Эти и последующие подсчеты сделаны на основании данных приходной книги за 1758 г. (ШГАДА, ф. Пензенской крепостной конторы, д. 14).

⁶⁶ ШГАДА, ф. Пензенской крепостной конторы, д. 14, л. 40об.

⁶⁷ Там же, лл. 3, 4об., 53об.

⁶⁸ Там же, лл. 2об., 12об., 13, 38об., 41.

⁶⁹ Там же, д. 7, лл. 88, 115; д. 14, лл. 13, 42.

⁷⁰ Там же, л. 105; д. 14, лл. 3об., 39, 52об.

⁷¹ Там же, л. 50, д. 14, лл. 3, 14.

нам возможности проследить, сколько крестьян ежегодно отвлекалось для работы по найму. Сохранение мирской раскладки налогов тормозило отрыв крестьян от занятий земледелием. Иногда сельский мир по очереди наряжал крестьян зарабатывать деньги для платежа подушной подати работой по найму. Во многих случаях в наемных записях оговаривалось, что крестьяне будут работать «с переменою»⁷².

Содержание наемных записей позволяет определить характер работ, выполняемых крестьянами на винокуренных заводах, что важно для выяснения вопроса о том, в какой мере работа на заводчиков содействовала отрыву непосредственных производителей от занятий сельским хозяйством. Значительная часть крестьян нанималась на короткие сроки: 3—6—9 месяцев — 1 год. Иногда в наемных записях оговаривалось, что крестьяне должны работать год или «как винная сидка кончится»⁷³. Несложность винокуренного производства позволяла предпринимателям нанимать крестьян на короткие сроки. Это отвечало интересам крестьян.

Наемные записи различают несколько основных видов работ крестьян, непосредственно участвующих в производственном процессе: «в жеганскую работу на 2 поварни», «в жеганскую работу с рубкою дров», «в браговарную работу»⁷⁴, «во всякую работу, кроме жеганской и солодовенной»⁷⁵. Значительное количество крестьян нанимались на винокуренные заводы в «извозную работу для возки хлеба» на мельницы и заводы, а также вина в Москву, Нижний Новгород и другие города⁷⁶.

Большую часть денег крестьяне получали за вспомогательные работы, связанные с обслуживанием винокуренных заводов — возка вина и хлеба, изготовление винных бочек, стругов для сплава хлеба водой и т. п. (см. табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Годы	1740 г.		1758 г.	
	в руб.	в %	в руб.	в %
Всего получено крестьянами за работу	3451	100%	5365	100%
В том числе:				
а) за работу на винокуренном заводе	457	14%	1792	33,4%
б) на возку вина, хлеба и т. д.	2794	86%	3573	66,6%

Однако мы можем отметить значительное увеличение расходов на оплату труда крестьян, занятых непосредственно на заводах, что свидетельствовало о некотором расширении производства, а также о большем втягивании крестьян в работу на заводчиков. При этом необходимо подчеркнуть, что основную массу крестьян, нанимавшихся на собственно заводские работы, составляли дворцовые крестьяне. Помещичьи и монастырские крестьяне-отходники нанимались главным образом зимой или весной возить вино к центрам его потребления, изготавливать винные бочки и т. д.⁷⁷. Это позволяет предположить, что у дворцовых крестьян процесс отрыва от средств производства шел быстрее. Так, в 1758 г. всю сумму за работу на заводах (1792 руб. 10 коп.) получили только дворцовые крестьяне.

Приведенный нами материал о работе на винокуренных заводах крестьян Пензенского у. подтверждает слова В. И. Ленина о том, что «торговый капитал в мелких промыслах, достигая высшей ступени

⁷² ЦГАДА, ф. Пензенской крепостной конторы, л. 116; д. 14, л. 53об. и др.

⁷³ Там же, д. 14, л. 2об.

⁷⁴ Там же, д. 7, л. 34, 104—106, 113; д. 14, л. 2об.

⁷⁵ Там же, д. 7, л. 60.

⁷⁶ Там же, д. 14, лл. 3, 12об., 17.

⁷⁷ Так, в 1740 г. из 457 руб., выданных за работу на заводе, 12 руб. получили помещичьи крестьяне (1 сделка), 35 — монастырские (1 сделка) и 410 руб. — дворцовые (10 сделок).

своего развития, сводит уже производителя на положение наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную плату»⁷⁸.

Следует подчеркнуть, что уход крестьян в первой половине XVIII в. на заработки в промышленность, чтобы получить деньги для уплаты государственных налогов и частновладельческих повинностей, не был новым явлением для крестьян Пензенского и соседних с ним уездов. Начало этого процесса относится к XVII в. В XVIII в. мы имеем его дальнейшее развитие и углубление.

Большинство винокуренных заводов купцов было расположено в сельской местности, поблизости от рынка рабочей силы и сырья. Это обстоятельство, наряду с другими факторами, о которых мы говорили, приводило к тому, что здесь сравнительно медленнее происходил отрыв крестьян от земледелия. Однако и в этой отрасли хозяйства в первой половине XVIII в. складывались капиталистические отношения между купцами, владельцами заводов и нанимающимися к ним работать крестьянами-отходниками. Феодальная природа сельской общины (круговая порука в уплате государственных налогов и т. п.) в этом случае тормозила процесс вызревания капиталистических отношений, так как крестьянин в силу специфики винокуренного производства обычно отлучался на заработки недалеко, в сельскую местность. Воспроизводство рабочей силы такого работника происходило пока еще, главным образом, в сельском хозяйстве, где господствовали законы феодального способа производства.

В целом, несмотря на значительные элементы кабалы, отработка крестьянами долгов на заводах содействовала постепенному отрыву части непосредственных производителей от сельского хозяйства и лишению их средств производства, а это в свою очередь расширяло рынок труда⁷⁹.

* * *

В кожевенной промышленности России конца XVII — первой половины XVIII в. наряду с мастерскими ремесленников и товаропроизводителей существовали и «заводы», на которых было занято от 3—5 до 100—120 работников. Появление этих предприятий было в значительной степени определено условиями спроса, особенно массовым спросом на юфти со стороны иностранных купцов (в середине XVII в. за границу вывозили 75 тыс. пудов, в первой половине XVIII в. — 150—170 тыс. пудов юфти в год).

Абсолютное большинство предприятий в этой отрасли промышленности принадлежало купцам. Первые купеческие кожевни появились еще до середины XVII в. (В. Г. Шорина и С. Задорина в Нижнем Новгороде, гостя Стоянова в Пскове и другие)⁸⁰. На грани XVII—XVIII вв. их насчитывалось значительно более двух десятков, в том числе торговые люди гостиной сотни имели не менее 13 кожевен. В 20-е годы было, по далеко не полным подсчетам, 73 таких предприятия. Из этого числа в Ярославле находилось 21 предприятие, по несколько предприятий было в Казани (9), Симбирске (7), Чебоксарах (6), Арзамасе (4), Гороховце (3), Сызрани (3), Каргополе (3), Костроме и Болхове. Позднее число кожевенных предприятий, не находившихся в ведении Мануфактур-коллегии, еще более возросло, а отдельные предприятия достигали очень крупных для этой отрасли размеров. «Количество кожевенных заведений одного Ярославля в 1776 г., — писал П. Г. Любими-

⁷⁸ В. И. Ленин. ПСС., т. 3, стр. 384.

⁷⁹ Ср. Н. И. Павленко. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», 1958, № 6, стр. 41—58.

⁸⁰ Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки», т. 34, 1950, стр. 192; Е. В. Чистяков а. Псковский торг в середине XVII в., там же, стр. 200.

ров,— из которых ни одно не состояло в списках дозволенных фабрик, хотя почти все они работали «наемными людьми», составляло две трети всех указных предприятий государства, причем один «юфотный» завод в Ярославле выпускал большее количество кож, чем какое-либо указное предприятие»⁸¹.

Некоторые купеческие кожевни являлись предприятиями мануфактурного типа. К их числу Н. В. Устюгов относил «завод» В. Г. Шорина и С. Задорина в Нижнем Новгороде⁸². В 20-е годы XVIII в. насчитывалось не менее 30 мануфактур, на которых в определенных пропорциях был соединен труд заводчиков, строгальников, дуботолков, строгалей, топталей и ломовых работников.

Большинство работников кожевенных предприятий были наемные, а среди них основную массу составляли крестьяне. В Казани с октября 1722 г. по февраль 1723 г. только местные предприниматели, по неполным данным, наняли в кожевенную работу 153 человека (в том числе И. А. Микляев — 103), в Ярославле в 1727 г. по 49 записям было нанято 493 человека, в том числе иногородними предпринимателями — 41 и местными — 452. Среди последних наибольшее число работников наняли М. К. Викулин (99) и И. Я. Кирпичев (60)⁸³. В строгальную, дуботолковую и другие работы на предприятиях систематически нанимали работников предприниматели Костромы и Гороховца.

Вопросы о сроках работы наемных работников кожевенных предприятий, оплате их труда, различных условиях договора о найме таких работников и о характере возникавших на предприятиях кожевенной промышленности отношений были уже рассмотрены на примере Ярославля. Был сделан никем не оспоренный вывод, что «в кожевенной промышленности Ярославля купец-предприниматель выступал как капиталист, стоящий во главе производства, а краткосрочные «записные» работники — как наемные рабочие и между ними в процессе производства неизбежно складывались капиталистические отношения»⁸⁴.

Отношения, характерные для предприятий Ярославля, были типичны и для предприятий Костромы, Казани, Чебоксар, Гороховца, Арзамаса, Болхова и Каргополя в течение всей первой четверти XVIII в. Лишь в некоторых городах, в том числе и в ряде перечисленных, в использовании наемного труда на кожевенных предприятиях удалось найти отклонения от норм Ярославля, являвшегося самым развитым центром кожевенной промышленности. Однако и на этих предприятиях основной фигурой были работники, найм и эксплуатация которых определяла капиталистический характер предприятий.

К числу таких отклонений относится использование труда крепостных, принадлежавших купцу, и кабальных людей. Это касается прежде всего предприятий, расположенных в сельской местности, которых удалось выявить всего два (Алатский завод И. А. Микляева и Коймарский С. К. Игумнова, оба — в Казанском уезде). В 1722 г. на Алатском заводе оказалось 15 крепостных людей (из них 12 работоспособных) и 5 наемных работников. В дополнение к ним 26 октября 1722 г. Микляев нанял 34 человека дуботолков и других работников⁸⁵. На предприятии С. К. Игумнова оказалось всего 3 работника: Степан Максимов, работавший «за взятые заемные деньги», Федор Федоров,

⁸¹ П. Г. Любимиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX вв., М., 1947, стр. 172.

⁸² Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкотоварное производство в Русском государстве XVII в., стр. 200.

⁸³ ЦГАДА, Крепостные книги, кн. по Казани 1722 и 1723 гг.; М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в., стр. 78—79.

⁸⁴ М. Я. Волков. Рынок рабочей силы Ярославля 20-х годов XVIII в., стр. 78—80, 82—84.

⁸⁵ ЦГАДА, Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, кн. 1098, лл. 24—25, 45—45об. Крепостные книги, кн. по Казани, 1722 г., л. 241об.

нанятый по долгосрочной записи и крестьянин-мариец Салтанайка Паскин — по краткосрочной записи⁸⁶. В период действия предприятия и на него, видимо, прибывали наемные работники различных специальностей. Итак, даже в сельской местности использование труда крепостных и кабальных не играло решающей роли. Значительно меньшую роль эти работники играли на кожевенных предприятиях городов⁸⁷. К таким же выводам пришел и О. Н. Вилков при анализе материалов об использовании рабочей силы в кожевенной промышленности Тобольска⁸⁸.

* * *

Подведем краткие итоги. Приведенные материалы свидетельствуют о сложности и противоречивости процесса формирования рынка наемной рабочей силы в феодально-крепостнической России первой половины XVIII в. Изучение этого процесса следует вести более дифференцированно, учитывая гораздо больше, нежели это делали ранее, специфику использования наемных работников не только по отдельным районам России и у разных категорий крестьянства (на это обращали внимание многие участники дискуссии), но и в отдельных отраслях хозяйства в зависимости от социального состава предпринимателей и политики феодального государства в отношении развития тех или иных отраслей экономики страны. В частности, следует гораздо больше уделить внимания изучению вопроса об использовании наемного труда на тех предприятиях, которые не были подведомственны Мануфактур- и Берг-коллегиям. Материал о таких предприятиях очень рассеян, его выявление, сбор и обработка являются весьма трудоемким делом, однако, по нашему глубокому убеждению, дальнейшее изучение проблемы генезиса капитализма России XVII — первой половины XVIII вв., невозможно без привлечения этих материалов.

Несмотря на известную отрывочность, приведенные в статье данные свидетельствуют о том, что работа крестьян по найму была довольно широко распространенным явлением. Особенность формирования рынка рабочей силы состояла в это время в том, что крестьянин-отходник выступил продавцом своей рабочей силы предпринимателю, не будучи юридически свободным лицом. Но капиталистическая сущность сделки от этого не менялась.

Конкретный материал позволяет говорить о том, что в ряде отраслей народного хозяйства достаточно четко определялась новая, капиталистическая по своей сущности природа найма, хотя и в некоторых из них сохранялись элементы кабалы. При этом в отдельные исторические периоды эти черты, присущие феодальному найму, временно усиливались. Однако, несмотря на это, использованные материалы, как нам представляется, свидетельствуют о том, что в рассмотренных отраслях хозяйства происходило расширенное воспроизводство отношений капиталистического найма.

⁸⁶ Там же, кн. 5072, л. 15 об.

⁸⁷ В. Д. Дмитриев указал на факты использования крепостных и кабальных работников на кожевенных предприятиях братьев М. Ф. и А. Ф. Игумновых (Чебоксары) в 20-е годы XVIII в. и, не приведя данных об их преобладании, сделал вывод об их преобладающей роли в производстве (см. В. Д. Дмитриев. История Чувашии XVIII века, Чебоксары, 1959, стр. 244—245, 247). Однако у М. Ф. и А. Ф. Игумновых на винокуренных и кожевенном заводах использовалось всего 9 человек крепостных, тогда как для обслуживания одного их кожевенного предприятия, дававшего 6000 юфтей, требовалось от 35 до 50 работников.

⁸⁸ О. Н. Вилков. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в кожевенной промышленности Западной Сибири XVII—начала XVIII вв. «Известия СО АН СССР. Серия обществ. наук», Новосибирск, 1964, № 9, в. 3, стр. 110—118.